

Николай Михайлович
ПРЖЕВАЛЬСКИЙ

ОТ КУЛЬДЖИ
ЗА ТЯНЬ-ШАНЬ
И НА ЛОБ-НОР

T8 RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
П74

Пржевальский Н. М.

П74 От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-Нор / Н. М. Пржевальский. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 242 с. — (ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ).

ISBN 978-5-521-77184-4

«Ничто так не развивает ум, как путешествие», — говорил Эмиль Золя, понимая, что мало какие ощущения могут сравниться с открытием неизведанных уголков, далеких и близких, на нашей Земле.

На протяжении всей истории человечества путешественники считались героями, странниками, оставляющими привычный уклад жизни и отправляющимися в неизвестность. Стремление к дальним горизонтам, к неизвестности, лежит в основе человеческой природы, а наиболее успешные — или наиболее авантюрные — попытки покорить неизвестные дали неизменно вписываются в список величайших свершений. Будь то доисторический абориген на хлипком судне, античный мореплаватель, средневековый торговец, просвещённый гуманист семнадцатого века или полярный исследователь века двадцатого — все они составляли когорту великих странников, устремленных в неизвестность. Их истории, воспоминания и жизни — образцы высшего проявления человеческих возможностей и человеческого духа.

Серия «великие путешествия» — способ познакомиться с историями многих великих географов, первооткрывателей и исследователей, узнать больше об их жизнях, переживаниях и свершениях.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC WTL
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-77184-4

© Т8 RUGRAM, оформление, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

ОТ КУЛЬДЖИ ЗА ТЯНЬ-ШАНЬ И НА ЛОБ-НОР

Еще шаг успеха в деле исследования внутренней Азии: бассейн Лоб-нора, столь долго и упорно остававшийся в неведении, открылся, наконец, для науки...

Как предполагалось вначале, исходным пунктом моей экспедиции был город Кульджа. Сюда я прибыл в конце июля прошедшего года вместе с двумя своими спутниками — прапорщиком Повало-Швыйковским и вольноопределяющимся Эклоном ⁽¹⁾. Снабженный на этот раз достаточными материальными средствами, я мог закупить в Петербурге и Москве все необходимые для долгого путешествия запасы, которые вместе с оружием и боевыми принадлежностями, отпущенными казною, весили около 130 пудов ⁽²⁾. Кладь эту пришлось тащить от Перми [ныне г. Молотов] до Кульджи на пяти почтовых тройках и употребить на этот путь, затрудняемый сквернейшей дорогой на Урале, более месяца.

В Семипалатинске к нам присоединились спутники прошлой моей экспедиции в Монголии, забайкальские

казаки Чебаев и Иринчинов ⁽³⁾, изъявившие готовность вновь разделить со мной все труды и лишения нового путешествия. Еще один казак, переводчик монгольского языка, был прислан также из Забайкалья, да трех казаков я взял в Верном из Семиреченского войска. Наконец, уже в самой Кульдже, был нанят крещеный киргиз, умеющий говорить по-сартски ⁽⁴⁾. Таким образом, персонал моей экспедиции сформировался, но, к сожалению, на этот раз я был далеко не так счастлив в выборе спутников, как в прошлую экспедицию.

Почти три недели было употреблено в Кульдже на окончательное формирование и снаряжение нашего каравана, состоявшего из 24 верблюдов и 4 верховых лошадей. На последних ехали я, мои товарищи и один из казаков. Все мы были отлично вооружены: кроме охотничьих ружей, каждый имел винтовку Бердана за плечами и по два револьвера у седла.

Первоначальный план заключался в том, чтобы сходить на Лоб-нор, обследовать, насколько возможно, это озеро и его окрестности, а затем вернуться в Кульджу, сдать здесь собранные коллекции и, забрав остальные запасы, двинуться в Тибет.

* * *

Утром 12 августа мы выступили из Кульджи, напутствуемые добрыми пожеланиями соотечественников, проживающих в названном городе. Путь лежал первоначально вверх, почти по самому берегу Или, долина

которой здесь густо заселена таранчами ⁽⁵⁾. Красивые, чистые деревни с садами и высокими серебристыми тополями следуют чуть не сплошь одна за другой. В промежутках раскинуты хлебные поля, орошаемые многочисленными арыками, а на лугах, по берегу самой Или, пасутся большие стада баранов, рогатого скота и лошадей. Всюду видно, что население живет зажиточно. Магметанская инсurreкция [т. е. восстание, мятеж] не коснулась своим разрушительным потоком этой части Илийской долины. Опустошенные местности лежат от Кульджи вниз по Или, где прежде также процветала культура, но после истребления китайцев таранчами и дунганами ⁽⁶⁾ здесь встречаются большей частью развалины деревень, даже городов (Старая Кульджа, Баяндай, Чимпанзи и др.) и заброшенные, поросшие сорными травами поля.

Переправившись возле устья р. Каш (в 50 верстах от Кульджи) на левый берег Или, мы направились по-прежнему вверх по ее долине, которая имеет здесь верст двадцать ширины и представляет степную равнину с глинистой солонцеватой почвой, поросшей ибелеком [эбилек, рогач] — *Ceratocarpus*, мелкой полынью и дырисуном (дэрэс, чий) — *Lasiagrostis*; на более плодородных местах встречается астрагал, немногие виды злаков или сложноцветных и мелкие корявые кустарники; на берегу же реки густые заросли тростника, лозы и облепихи.

Ширина Или возле устья Каша около 70 сажен, течение весьма быстрое. На правом берегу описываемой

реки таранчинские деревни тянутся еще вверх от устья Каша верст на двенадцать; левая же сторона илийской долины уже не имеет оседлого населения. Здесь только кое-где встречаются временные пашни калмыков (7), да и то ближе к р. Текесу. Последний приходит, как известно, из Мусарта и, соединившись с Кунгесом, дает начало Или, несущей свои мутные воды в озеро Балхаш.

Сама же долина Или, гладкая, как пол, имеет везде наносную глинистую почву. Там, где эта почва орошена арыками, отведенными из р. Или и от ее правого притока Кэша, там прекрасно растут хлеба (просо, ячмень, рис, пшеница и пр.), засеиваемые местными жителями. В пространстве между Кульджой и Кэшем живут, главным образом, таранчи, в меньшем количестве, ближе к Кульдже — сибо, и, как везде в Средней Азии, население густо теснится на небольших клочках. Деревни встречаются очень часто. Эти деревни довольно опрятны; в них часто встречаются сады, а большие деревья (тополь) только и растут в деревнях.

Густое население тянется по правому берегу Или еще вверх по реке верст на 10—12 от устья Каша. Дальше нет деревень. На левом же берегу от переправы Ямату (т. е. от устья Каша) также нет деревень и только ближе к Текесу (верст 15 не доходя до него) встречаются поля, обрабатываемые торгоутами, живущими в юртах. Таким образом, обрабатываемые пространства составляют первую характерную полосу Илийской долины. Другая часть представляет бесплодную степь, поросшую

мелким ковылем, изредка ковылем, на солонцеватых местах — бударганою и дырисуном. Ближе к самой реке встречаются кусты облепихи, джиды, тальника, барбариса, шиповника (и ежевики); на более сухих местах тамарикс: огромные тростники зарастают здесь часто значительные пространства и делают их приютом кабанов, но почти непроходимыми для человека.

Вообще флора Илийской долины очень бедная. Кроме трав, сопутствующих хлебопашеству, здесь мало дикорастущих растений. Также небогата и фауна.

Птиц мало, зверей еще меньше. Даже антилоп мы не видали ни разу. Зато пресмыкающихся довольно много, в особенности змей и ящериц. Комаров, несмотря на конец августа, гибель, в особенности вблизи арыков. Много фаланг.

Переправа через Текес, имеющий при страшно быстром течении сажень 50 ширины, производится, так же как и через Или, на небольших, крайне плохих паромах. На них перевезли наши вещи; лошадей же и верблюдов перетаскивали вплавь, привязывая по несколько штук за паром. Подобное плавание на быстрой реке оказалось чрезвычайно вредно для верблюдов: трое из них издохли вскоре после переправы.

* * *

За Текесом наш путь лежал все в том же направлении, долиною нижнего Кунгеса, которая не отличается

от верхнеилийской, только здесь в большом изобилии встречается ковыль. Окраинные горы, как и прежде, несут луговой характер, имеют большей частью мягкие формы и вовсе лишены лесной растительности. Так до р. Цанма, левого притока Кунгеса. Здесь же, т. е. на Цанме, виднеются последние пашни и кочевья тургоутов [торгоутов]. Далее, вплоть до выхода в Карашарскую долину, мы не встречали жителей.

Флора пройденной до сих пор от Кульджи равнины весьма бедная; также не богата и фауна. Притом время (вторая половина августа) было самое плохое для орнитологических исследований и препарировки птиц, большая часть которых находилась в сильном линьании. Зато змей и ящериц встречалось очень много, и мы собрали порядочную коллекцию этих пресмыкающихся. Из рыб же поймали только четыре вида: маринку — *Schizothorax*, османа — *Oreinus*, окуня и пескаря. По словам казаков, занимающихся рыболовством, других пород в Или и не встречается.

Общий очерк августа. Этот месяц прежде всего характеризовался сильными и постоянными жарами, в которых — малым количеством дождей. Последние падали только в конце месяца, да и то в более высокой долине Кунгеса. Сухость воздуха была вообще очень велика. Росы по утрам не бывало; ночи стояли постоянно теплые. Роса и более холодные ночи начались только в лесистой и более высокой долине верхнего Кунгеса, где 29-го числа, на рассвете, я нашел иней на низменных ме-

стах островов реки, хотя возле нашей палатки (на ветре) термометр на рассвете показывал +9°. Ветры дули почти каждый день, но были вообще слабые и преобладали в двух направлениях: восточном и западном. Это, впрочем, вероятно, зависело от направления долин Или и Кунгеса, в которых мы находились в течение всего описываемого месяца. В жаркую погоду постоянно стоял в воздухе сухой туман, вероятно, от пыли, поднятой ветром, исчезавшей на некоторое время после дождя.

От р. Цанма, вместе с увеличением абсолютной высоты местности (Абсолютная высота Кульджи около 2000 футов ⁽⁸⁾). При этом считаю долгом оговорить, что хотя все высоты пройденных нами местностей измерены посредством барометра, но полученные результаты, за неимением под рукой необходимых пособий, вычислены пока лишь приблизительно.), долина Кунгеса изменяет свой характер, делаясь уже и гораздо плодороднее. Взамен прежней тощей растительности, волнистая степь покрывается превосходной и разнообразной травой, которая с каждым десятком верст становится все выше и гуще. Окраинные горы также принимают более суровые формы, и на них появляются еловые леса, нижний предел которых обозначает собою пояс летних дождей.

Впрочем, дожди, хотя, быть может, менее обильные, падают и в степной области, приблизительно до 4000 футов абсолютной высоты или немного ниже. Отсюда лиственные рощи начинаются и по берегу самого Кунгеса. Преобладающими в них породами являются высокие

(иногда до 80 футов вышины при толщине ствола 3—5 футов) осокори и яблони; реже встречаются береза и абрикос. Боярка, черемуха, жимолость, калина и шиповник составляют густой подлесок. Острова реки густо поросли высокой лозой и облепихой, по которым часто вьется дикий хмель; на песчаных и галечных местах является тамарикс. По лесным лугам, также и по скатам соседних гор, везде густейшие, переплетенные выюнком и повиликой, заросли травы, часто в сажень вышиною. Летом в подобной гущине почти невозможно пробраться. Но теперь, когда мы пришли в леса Кунгеса, наступил уже сентябрь, трава большей частью посохла и полегла; деревья и кустарники также носили уже осенний наряд.

После однообразия степей лесные острова и берега Кунгеса производили самое отрадное впечатление, поддаваясь которому, мы решили пробыть несколько времени в этом благодатном уголке Тянь-шаня. Притом же здесь мы могли рассчитывать и на хорошую научную добычу. Кроме того, двое казаков оказались негодными для путешествия. Пришлось отослать их обратно в Кульджу и заменить двумя солдатами, которые могли прибыть не ранее, как дней через десять (Вскоре оказался негодным и наш киргиз-переводчик, который также был отослан в Кульджу и заменен новым толмачом [переводчиком]).

Для своей стоянки в лесах Кунгеса мы выбрали то место, где в 1874 г. в продолжение нескольких месяцев стоял наш пост из одной казачьей сотни. Здесь еще целы